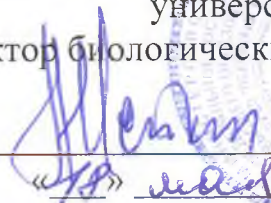

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
ФГБОУ ВО «Псковский государственный
университет»,
доктор биологических наук, профессор

_____ А. В. Истомина
«18» _____ 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Псковский государственный университет» – на диссертацию Богданова Дмитрия Евгеньевича «Конец домината: от тетрархии к военному регентству на римском Западе (379–423 гг.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира)

Диссертация Д. Е. Богданова выполнена в рамках проблемного поля, с одной стороны, не нового для отечественной науки, но с другой – изученного крайне неравномерно. Действительно, круг вопросов, связанных с историей Западной Римской империи, профессионально исследуется российскими учёными на протяжении уже более чем столетия, однако во многом это делалось и делается фрагментарно, поскольку, как справедливо отмечает диссертант, основное внимание российскими исследователями (по вполне понятным причинам) уделялось и уделяется истории Восточной Римской империи.

Актуальность рецензируемой работы не вызывает сомнений, поскольку затрагивает весьма сложную для научно-исторического исследования и осмысления проблему переходных исторических эпох, трансформации, казалось бы, незыблемых основ целых цивилизаций. Очевидно, что современный мир находится именно в такой стадии, и изучение исторического опыта человечества в сфере транзитивных процессов позволяет более полно и адекватно оценить явления, происходящие в наши дни.

Диссертационное исследование Д. Е. Богданова состоит из введения, основной части, включающей в себя три главы, разделённые на параграфы, заключения, перечня использованных источников и литературы, списка сокращений, приложений.

Во введении автор последовательно обосновывает актуальность исследования, обозначает его объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, анализирует историографию проблемы, формулирует цель и задачи своей работы, раскрывает методологическую основу и методику исследования, даёт обзор использованной источниковой базы, определяет научную

новизну диссертации и положения, выносимые на защиту, а также характеризует практическую значимость, формы апробации и структуру работы.

В целом можно отметить, что введение выполнено по классической схеме, содержит все необходимые элементы и соответствует своим задачам. Вместе с тем отдельные моменты данной части работы вызывают некоторые вопросы. Так, не совсем ясна логика анализа историографии изучаемой проблемы, поскольку автор сначала, во введении, в хронологической последовательности излагает информацию, касающуюся наиболее важных исследований, с выделением двух блоков, посвященных зарубежной и отечественной историографии (с. 9–16), а затем, в первой главе, возвращается к анализу (местами весьма подробному) историографического материала (с. 34–60), причем историографии изучаемой проблемы посвящена вся первая глава, т.е. значительная доля основной части исследования. В результате из трех глав диссертации непосредственно теме исследования посвящены лишь две. Представляется, что текст первой главы в несколько сокращенном виде было бы целесообразно перенести во введение – это было бы логичнее с учетом заявленной темы.

Кроме того, в отношении введения можно высказать и ряд более частных замечаний. Так, неоднозначные ассоциации вызывает обозначение группы текстов, созданных представителями варварских этносов (а именно – Иорданом), как «варварских источников» (с. 19), не совсем понятно противопоставление «церковных историй» (с. 22) и «церковных сочинений» (с. 24), вызывает вопросы тезис о том, что «христианизация западной армии привела к ухушению её боеспособности» (с. 31).

Первая глава, содержащая, как было отмечено выше, развернутый историографический обзор и в этом смысле являющаяся логическим продолжением введения, сама по себе носит исчерпывающий характер и демонстрирует высокий уровень знакомства автора с историографическими источниками. Видно, что диссертант свободно ориентируется в значительном объеме научно-исторической информации, касающейся темы военного регентства на рубеже IV–V вв. В то же время, помимо высказанного выше общего замечания относительно целесообразности выделения для анализа историографии отдельной главы, следует указать на ряд частных спорных моментов. На с. 42, говоря об отечественной историографии, автор (видимо, в полемическом задоре) упоминает о «материалистическом подходе, господствовавшем большую часть XX в.», из чего можно сделать вывод, что с конца XX в. в отечественной историографии возобладал некий (тогда какой?) идеалистический подход. Вероятно, диссертант имел в виду господство в советской исторической науке историко-материалистической парадигмы, но тогда ему об этом так и следовало написать. В этой же главе чуть ниже (с. 54), в краткой биографической справке о В. Либешуце, говорится, что он (Либешуц) был вынужден бежать из страны после прихода к власти нацистов. Но Вольфу Либешуцу в 1933 г. было всего шесть лет, а в 1938 г., когда он действительно переехал со своей семьей в Англию, – 11. Понятно, что речь в данном случае

нужно было вести не о самом Либешуце, а о его родителях. Ну и, конечно же, излишне категоричным выглядит утверждение о том, что в XX в. отечественная наука оказалась на периферии мировой исторической мысли (с. 59–60).

Главы вторая и третья, в содержательном плане представляющие собой основную часть диссертационного исследования, с точки зрения структуры и логики изложения основаны на просопографическом принципе, что соответствует заявленной автором методологии исследования (с. 28). Это представляется весьма важным положительным моментом, поскольку зачастую начинающие исследователи не могут до конца последовательно реализовать принцип соответствия содержания и структуры научной работы заявленным методологическим подходам. Исследование Д. Е. Богданова лишено этого недостатка.

Во второй главе («Западная Римская империя на грани эпох») рассматривается внутренняя ситуация в Западной Римской империи в период правления императоров Феодосия I и Гонория. Автору удалось достаточно убедительно показать, что смерть Феодосия и события, за ней последовавшие, определили новый облик Империи: власть императора, номинально неограниченная при его наследниках, фактически стала зависеть от авторитета, которым, в отличие от могущественного отца, не обладали малолетние Аркадий и Гонорий, и была территориально ограничена, поскольку в стремлении укрепить Рим и Константинополь и сформировать мобильные боеспособные армии, способные оперативно противодействовать попыткам узурпации и военного вторжения, Феодосий сам заложил основы для выделения двух самостоятельных государств на территории Римской империи. В то же время отдельные суждения автора, содержащиеся в этой части диссертации, носят спорный характер. Так, на с. 69 диссертант утверждает, что при Феодосии «государственной религией прекратило быть христианство арианского толка (возможно, из-за союза с готами-арианами)», однако, строго говоря, арианство таковым не являлось, т.к. никейское соборное вероопределение никто из императоров-ариан в IV в. официально не отменял. Другое дело, что шла борьба между никейцами и арианами, и императоры в большинстве своем поддерживали последних. Кроме того, арианство стало пользоваться поддержкой императорской власти задолго до союза с готами, и, поэтому, скорее, не в империи сохранялось арианство вследствие союза с арианами-готами, как полагает диссертант, а наоборот: готы стали арианами в результате контактов с империей. При этом в главе ничего не сказано о знаменитом эдикте *Cunctos populos* от 28 февраля 380 г., действительно положившем конец поддержке арианства на государственном уровне. В том же абзаце Символ веры, принятый на II Вселенском (I Константинопольском) соборе 381 г. ошибочно назван никейским; на самом деле он, как известно, называется никео-константинопольским, и именно потому, что был окончательно оформлен на этом II Вселенском соборе, прошедшем в Константинополе.

Спорным и оставляющим широкий простор для спекулятивных суждений представляется и трактовка тетрархии как «разделения [империи. – В. Д.]

на оперативные “уделы” по ситуативным обстоятельствам» (с. 73). Таким же «разделением на оперативные “уделы” по ситуативным обстоятельствам» можно считать и раздел Римской империи, например, при Валериане и даже при Марке Аврелии, но это ведь не означает, что тетрархия появилась уже в середине III в. или, тем более, во второй половине II в. Иначе говоря, автору следовало или более точно выразить свою мысль, или же более внимательно подойти к определению самой тетрархии, которая, строго говоря, исчезла с исторической арены вскоре после смерти своего основателя, императора Диоклетианом. Там же (с.73) автор, описывая ситуацию в сфере городского управления при Феодосии, говорит о том, что «административный аппарат империи становится отягощением для жителей, начиная с городских курий (наблюдается даже бегство из курий, чтобы не нести налоговое бремя) и заканчивая столицей» – но это явление было характерно для Римской империи задолго до Феодосия, что ярко проявилось в императорском законодательстве еще в первой половине IV в. На с. 92 автор (видимо, несколько увлекшись повествованием) утверждает, что «получение должности консула Евтропием стало шоком для *всего* [курсив мой. – В. Д.] тогдашнего мира»; возникает вопрос – неужели действительно для всего? И для Индии с Китаем тоже?..

Третья глава («Империя и Барбарикум в начале V в.») посвящена исследованию проблемы влияния внешнеполитических факторов на развитие системы военного регентства в Западной Римской империи. Можно согласиться с выводами автора о том, что «разгром вторгнувшегося на территорию империи Радагайса является наиболее значимым достижением в карьере Стилихона» (с. 130) и что «гибель Стилихона привела к вакууму власти», заполнить который на тот момент империя не смогла (с. 138). Очень точно охарактеризована и роль Алариха – второго, наряду со Стилихоном, героя данной главы, который, как пишет автор, «первым среди всех варварских правителей оказался в ситуации, когда он смог практически на равных договариваться с фактическими правителями различных частей Римской империи, играя на их противоречиях и пользуясь положением исключительно выгодного союзника» (с. 120). Верной представляется и отмеченная диссертантом специфика позиции Алариха по сравнению с другими варварскими вождями той эпохи, а именно – его стремление не к инкопорированию в империю, а получение личных выгод и достижение собственных, в том числе политических, целей. На этом фоне особенно досадными выглядят такие моменты, как, например, избыточно претенциозный и исторически неверный заголовок первого параграфа данной главы – «Аларих – первый варвар, захвативший Рим» (с. 112). Осмелимся напомнить, что первым варваром, захватившим Рим, был галльский вождь Бренн, и произошло это за 800 лет до Алариха. Кроме того, чтение этого параграфа не оправдало спровоцированных столь броским заголовком ожиданий: о взятии Рима Аларихом здесь ничего не сказано. Местами автор в данной главе явно увлекается фактологией, и изложение приобретает чересчур описательный характер. На с. 145 диссертант

утверждает, что в своей политике, проводившейся в интересах Рима, вандал по происхождению Стилихон «руководствовался патриотическими чувствами», причем чуть ниже автор, отчасти противореча себе, приводит другие, менее возвышенные и более, на наш взгляд, правдоподобные мотивы деятельности Стилихона, заключающиеся в том, что Стилихон «породняется с императорской семьей и надеется, что его внуки станут императорами» (с. 146). На с. 150 автор указывает, что «именно политика Феодосия и его желание укрепить центральную власть привели к трансформации идеи домината и предопределили появление военных регентов», тем самым несколько преувеличивая, на наш взгляд, роль Феодосия в процессе формирования системы военных регентств. Представляется, что гораздо более важным фактором в данном случае явилась весьма прозаическая вещь, а именно – малолетство сыновей Феодосия в момент его смерти. Это же обстоятельство (а не развитие идей домината) было и причиной борьбы придворных элит на Востоке. Ведь совершенно очевидно, что если бы Аркадий и Гонорий вступили на трон в совершеннолетнем возрасте, роль состоящих при них военных советников и поведение местных придворных элит были бы совершенно иными.

Выводы, содержащиеся в заключении к диссертации, в основном не вызывают каких-либо вопросов и логически вытекают из основного содержания работы. В то же время следует отметить, что выводы №№ 9 и 10 (с. 155–156) посвящены римскому Востоку, хотя ни в теме исследования, ни в его тексте восточно-римские сюжеты не звучат. Кроме того, и сами эти выводы выглядят весьма спорными (например, тезис об отсутствии в Византии династизма; в этой связи достаточно вспомнить о двухсотлетнем правлении здесь Македонской династии и династии Палеологов, столетнем – династии Комнинов).

В целом следует отметить, что диссертационное исследование Д. Е. Богданова производит очень благоприятное впечатление. Изучение текста диссертации показывает, что её автор свободно ориентируется в материале, умеет на высоком уровне анализировать исторические источники и квалифицированно использует научную литературу. Работа написана правильным научным языком, её отличает хороший литературный стиль, грамотная речь, аккуратное и единообразное оформление справочно-ссылочного аппарата. Все высказанные замечания носят в основном частный либо рекомендательный характер и не снижают общего высокого уровня рецензируемой работы.

Представленная к защите рукопись диссертации Д. Е. Богданова «Конец домината: от тетрархии к военному регентству на римском Западе (379–423 гг.)» соответствует пп. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции № 4, утверждённой Постановлением Правительства РФ от 02 августа 2016 г. № 748), является самостоятельным исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне, вносящим существенный вклад в развитие современной парадигмы исторической науки в области все-

общей истории в целом и истории древнего мира в частности, истории цивилизаций, стран, народов и регионов, международных отношений, социально-политической и этнокультурной истории. Основные положения, выносимые на защиту, в тексте диссертации полностью раскрыты. Работа отличается актуальностью, научной новизной, является завершенным, самостоятельным научным исследованием, имеющим важное научно-теоретическое и практическое значение. Личный вклад соискателя в разработку научных проблем и репрезентативность сделанных выводов несомненны. Автореферат соответствует тексту диссертации. В публикациях отражено основное содержание работы. Основные положения и выводы прошли необходимую апробацию.

Диссертация Д. Е. Богданова является завершенным научным исследованием, текст диссертации соответствует установленным квалификационным требованиям. Автор, Богданов Дмитрий Евгеньевич, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира).

Отзыв составлен доцентом, кандидатом исторических наук, и.о. заведующего кафедрой всеобщей истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» Дмитриевым Владимиром Алексеевичем.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры всеобщей истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», протокол № 9 от 18 мая 2018 г.

И.о. заведующего кафедрой всеобщей
истории и регионоведения,
кандидат исторических наук, доцент

В.А. Дмитриев

18.05.2018 г.

Подпись В.А. Дмитриева заверяю:
начальник отдела кадров
ФГБОУ ВО «Псковский
государственный университет»

(Т.Г. Роговская)

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Псковский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ПсковГУ»)
180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2
телефон: (8112) 297001
e-mail: sekret@pskgu.ru
web-site: http://pskgu.ru